

Все, что она знала, это то, что в ее сознании все было как в тумане.

Она знала, что чуть больше восемнадцати лет назад у нее родился сын. Она родила огромного, здорового мальчика, и они принесли его к ней в больницу, свежего, вымытого и самого красивого, вкусно пахнущего из всех, что она когда-либо знала. Он плакал, когда его везли в палату на маленькой прозрачной коляске, и этот звук пронзил ее сердце своей невозможной красотой.

Она взяла его из рук медсестры и прижала к своей груди. Ее потрясло, как сразу же он нашел, где зажать свой крошечный ротик, и тихо лежал на ее груди, сытый и довольный. Ощущения от кормления грудью не были похожи ни на какие другие, которые она испытывала раньше. Что-то очень правильное... Она чувствовала тепло внутри, это было похоже на легкое потягивание, и она ощущала его повсюду в своем теле, и это было ощущение, которое испытываешь, когда принимаешь хороший транквилизатор. Она чувствовала себя сонной и расслабленной. Она хотела сказать медсестре о своих ощущениях, но боялась, что та спутает ее чувства с сексуальным удовлетворением; поэтому она ничего не сказала, просто сидела в потрясенной, блаженной тишине, поглаживая его удивительно полную голову волос и уговаривая его пить, целуя его в макушку, волосы были такими мягкими и тонкими, что ей хотелось плакать.

Мой малыш, - шептала она снова и снова. Я буду тебе хорошей матерью.

И всего две недели спустя его забрали у нее.

Она поняла, что каким-то образом естественным и эффективным образом заблокировала части своей жизни с его отцом. Все было как в тумане. В этом была замешана другая женщина, она помнила... Но она не могла вспомнить точные слова из разговора.

"Уезжаю из страны... Я хочу, чтобы мой сын был со мной... Ты никогда его больше не увидишь, сучка....".

Как-то она жила своей жизнью. У нее была приличная работа. Приличное образование. Маленький домик в пригороде на одинокой дороге, где прогресс все еще не заполнил многочисленные поля вокруг ее маленького района.

Но ее жизнь была наполнена снами. В этих снах она все еще чувствовала запах своего младенца. Она чувствовала вкус его кожи от нежных поцелуев на его миниатюрном личике. В мечтах она вечно гонялась за ним. Пожалуйста, - кричала она. Верните мне моего ребенка.

Пожалуйста. Верни его.

Все, что она знала в тот момент, это то, что она пыталась замаскировать дрожащие руки за рулем. Все произошло слишком быстро.

Перед ее глазами все еще стояли те странные слова из полученного письма.

"Вашему сыну уже 18 лет, и он хочет встретиться с вами. Он хочет остаться с вами на некоторое время. Его рейс вылетает в..."

В аэропорту он протянул ей табличку с ее именем. Она увидела перед собой восемнадцатилетнего парня в джинсах и футболке. Его рост был не менее шести футов, и он возвышался над ней. Его волосы были немного волнистыми, и он носил их длинными у ушей и на шее. Его тело было стройным, с намеком на мускулы. Он был немного косолапым. А его лицо...

Она не могла отделаться от мысли, что ей кажется, что она понимает, что чувствуют люди, когда впервые видят "Давида" Микеланджело.

Проще говоря, все, что нужно было сказать, это то, что он был самым прекрасным, что она когда-либо видела в своей жизни.

Она чувствовала его запах в машине. Он снова пах так восхитительно, но на этот раз по-другому. На нем был, возможно, легкий запах одеколона. Он был немного потным, возможно, от того, что находился в ее штате, который был известен своей беспощадной жарой. Людям нужно было время, чтобы привыкнуть к климату. Аромат почему-то показался ей чрезвычайно приятным.

Но вскоре стало ясно, что он вовсе не хочет быть здесь. Она могла читать язык его тела. Он был сердит, угрюм и замкнут.

О Боже, подумала она про себя. Как я смогу справиться с этим. Как объяснить... Она писала письма на протяжении многих лет. Она умоляла. Ей никогда больше не разрешили видеться с ним.

Она говорила себе только о том, чтобы пережить дорогу домой. Ее попытки завязать разговор были безуспешны. В какой-то момент он повернул голову к ней, и их глаза встретились. В глубине его глаз промелькнули злость и холод.

Он ненавидит меня, подумала она.

Она старалась не обращать внимания на реакцию своего тела, когда он посмотрел ей в глаза. В ее голове промелькнула мысль. Как могло что-то такое красивое, совершенное и привлекательное исходить от меня...

Она чувствовала себя виноватой. Крайне виноватой. И больной на всю голову. Когда он встретился с ней взглядом, она почувствовала, как все внутри нее открылось... В животе появилось странное давление. Ее тело покалывало.

Она поняла: "Боже мой. Я испытываю сексуальное влечение к собственному сыну. Что, ради всего святого, со мной не так..."

У ее дома, прежде чем она успела заглушить машину, он открыл дверь и быстро подошел к ее двери, с одной сумкой с одеждой и несколькими вещами, перекинутой через плечо. Он не взял с собой много вещей. Мне нужно постирать его одежду, с тревогой подумала она. Она боялась спросить его об этом. Страшно, что он прочтет ее чувства по лицу и возненавидит ее еще больше.